

Марина Валентиновна МИХАЙЛОВА / Marina MIKHAILOVA

| Жертва, прощение, дар: Антропос между виктимностью и свободой / Sacrifice, Forgiveness, Gift: Anthropos between Victimization and Freedom |

Марина Валентиновна МИХАЙЛОВА / Marina MIKHAILOVA

*Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург, Россия
Доктор философских наук, доцент**Russian Christian Academy of Humanities, St. Petersburg, Russia
Doctor of Science in Philosophy, Associate Professor
marinamai63@gmail.com***ЖЕРТВА, ПРОЩЕНИЕ, ДАР: АНТРОПОС МЕЖДУ ВИКТИМНОСТЬЮ И СВОБОДОЙ***

В статье рассматривается возможность трансформации жертвы-потерпевшего в жертву как свободное даяние, приносимое за жизнь мира. В картине мира, творимой русским языком, жертва – это и пища (пожираемое), и пострадавший от внешней силы, и приносимый в дар богам. Жертва-nutrition нейтральна: речь идет лишь о пищевых цепочках. Жертва-victim негативна. Столкновение с злом, которое принимает вид безликого рока или воплощается в насильнике, рождает в жертве боль, гнев, обиду. Событие насилия воспринимается как рана, разрыв ткани мира. Наконец, жертва-sacrifice позитивна. В политеистических религиях она направлена на приращение общего блага, и поэтому сопряженное с ней страдание становится источником катарсиса. В авраамических монотеистических религиях жертва – бескорыстное принесение самому любимому самому дорогого, открывающее красоту мира. Предельная и совершенная жертва – Иисус Христос, отдающий Себя на смерть за жизнь мира. Через эту жертву, принесенную однажды навсегда и за всех, каждому человеку предлагается дар освобождения от греха и смерти. Человек, оказавшийся жертвой-victim, может действовать различно. Он может вытеснять случившееся с ним, и тогда непроработанная травма будет разрушать

его. Он может встать на путь борьбы и возмездия, запуская тем самым механизм бесконечного зла и укрепляя себя в статусе жертвы. Он может простить и тем самым положить «новое начало» (Х. Арндт), свободно учреждая отношения, которые будут определяться не совершенным злодеянием, а доверием и любовью. Прощение существует как дар, поскольку оно является актом свободной воли пострадавшего и не предопределено предшествующими событиями. Одно из условий прощения – принятие жертвой своих страданий как дара (испытания, уникальной судьбы). Прощение является сильной позицией, поскольку жертва становится автором, активным деятелем, учреждающим новую реальность. Важно отметить, что такой переход из состояния жертвы-victim в жертву-sacrifice возможен для любого человека, поскольку антропологические корни прощения глубже, чем культурные и религиозные уровни структурирования личности. Поэзия И. Бродского, где важное место занимают темы жертвы, прощения и благодарности, являет доказательство возможности перехода из виктимности в свободу.

Ключевые слова: жертва, дар, прощение, свобода.

** Исследование поддержано грантом Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00669 «Логос и поэзис: философская герменевтика русского поэтического высказывания».*

Марина Валентиновна МИХАЙЛОВА / Marina MIKHAILOVA

| Жертва, прощение, дар: Антропос между виктимностью и свободой / Sacrifice, Forgiveness, Gift: Anthropos between Victimization and Freedom |

SACRIFICE, FORGIVENESS, GIFT: ANTHROPOS BETWEEN VICTIMIZATION AND FREEDOM

The article deals with the problem of transformation of a victim into a sacrifice as a free gift, brought for the life of the world. In the Russian language picture of the world a word "жертва" means 1) nutrition, 2) victim, 3) sacrifice. The nutrition is neutral, it is only a fact of food chains. The victim is rather negative. After the encounter with evil, which takes the form of faceless fate or incarnates in a malefactor, the victim feels pain, anger and resentment. The violence is perceived as a wound in the body of the world. Finally, the sacrifice is positive. In polytheistic religions, it is aimed at increasing the common good, and therefore the suffering associated with it becomes a source of catharsis. In the Abrahamic monotheistic religions, the sacrifice is the unselfish bringing to the beloved of the most precious, revealing the beauty of the world. The ultimate and perfect sacrifice is Jesus Christ, who gives himself to death for the life of the world. Through this sacrifice, once brought forever and for everybody, the gift of liberation from sin and death is offered to every person. A victim can act differently. He can repress the incident, and then an ignored injury

will destroy him. He can struggle and claim retribution, thereby launching the mechanism of infinite evil and strengthening himself in the status of the victim. He can forgive and thereby put a "new beginning" (H. Arendt), freely establishing relationships that will be determined not by an overpast crime, but by trust and love. Forgiveness exists as a gift, because it is an act of the free will of the victim and is not predetermined by previous events. One of the conditions of forgiveness is the acceptance by the personality of the suffering as a gift (trial, unique destiny). The personal acceptance of the life as a gift leads into eucharistic (thankful) relations with the world. Forgiveness is regarded as an expression of this attitude at the level of deed. This is a strong position, because a victim becomes an author, an active figure, establishing a new reality. It is important to note that such a transition from victim to sacrifice is possible for any person, because the anthropological roots of forgiveness are deeper than the cultural and religious levels of structuring the individual. The poetry of I. Brodsky with strong themes of sacrifice, forgiveness and gratitude in it proves the possibility of transition from victimization to freedom.

Key words: sacrifice, victim, gift, forgiveness, freedom.

72

I. Жертва: nutrition, victim, sacrifice

Слово «жертва» в русском языке употребляется в трех основных значениях.

1. **Добыча хищника, nutrition.** Жертва – пожираемый. В жертвенном событии два участника: жертва и хищник. Движущим фактором является голод, а целью – его удовлетворение. Когда хищник потребляет свою жертву, в этом едва ли возможно усмотреть этический или экзистенциальный конфликт, однако и здесь обнаруживается, что жертва встроена в структуру мира как одна из несущих конструкций. Не только культура, но и природа держится на жертвоприношении, прини-

мающем в данном случае вид пищевой цепочки: смерть жертвы обеспечивает жизнь хищника.

2. **Пострадавший или погибший от чего-либо, victim.** Жертва – претерпевший разрушительность природной стихии или насилие со стороны лица или сообщества. В первом случае жертва одиноко страдает от безличной силы, во втором возникает фигура насильника, движимого страстью. Последняя может быть разной природы, от садистического наслаждения до идеологического упоения, но в любом случае она деструктивна и для жертвы, и для насильника. Причинять насилие может палач, то есть служащий, исполняющий свои обязанности, делегированные инстанцией на-

Марина Валентиновна МИХАЙЛОВА / Marina MIKHAILOVA

| Жертва, прощение, дар: Антропос между виктимностью и свободой / Sacrifice, Forgiveness, Gift: Anthropos between Victimization and Freedom |

силія. Тогда деструктивность захватывает и его, разрушая ответственность и свободу: заявление, что «мы только выполняли приказ», этически равносильно отказу от личного участия в бытии и признанию себя инструментом. Если гибель жертвы вызвана стихией, она представляется бесцельной и бессмысленной. Если она вызвана социальным насилием, ее целесообразность определяется негативно («чтобы построить новое общество, необходимо избавиться от врагов народа»), усматривается лишь определенным сообществом и легко опровергается этически в рамках той же культуры с точки зрения другого сообщества. Еще очевиднее деструктивность насилия, совершаемого в интересах отдельного лица. В любых формах ситуация жертвы-victim предстает как рана, нанесенная жизни, дыра в ткани мира. Участники ее переживают травму, боль, ущерб.

3. Приносимый в дар божеству, sacrifice.

Жертва – приносимый ради осуществления богообщения. В жертвенном событии участвуют трое: жрец, жертва и божество. Движущая энергия жертвоприношения – желание блага для сообщества (Ифигения приносится в жертву, чтобы ахейские корабли смогли выйти в море), а его цель – установление связи с божеством, в воле которого находится это благо. Хотя сакральная жертва предполагает разрушение чьей-то жизни, она конструктивна, направлена на приращение общего блага. Аффективно она переживается как катарсис, очищающее страдание. Таково жертвоприношение в *политеистических* религиозных системах.

В *монотеистических* религиях жертва-sacrifice получает дальнейшее развитие. Его смысл проясняет архетипическая история жертвоприношения Авраама, столь же известная, сколь таинственная. Спектр ее объяснений представлен в романе О. Памука «Музей невинности», любовной истории с отчетливыми признаками жертвоприношения. Один из ключевых эпизодов романа происходит в Стамбуле в день Курбан-байрама, праздника жертвоприношения, когда мусульмане вспоминают историю Авраама (Ибрагима). В Коране о том, как

Ибрагим приносил в жертву своего сына, говорится без упоминания имени мальчика, а в предании его, как правило, называют Исмаилом, но в основе коранического рассказа лежит история из Быт. 22, 1–18.

Кемалю двадцать четыре, Фюсун двенадцать лет, они дальние родственники. Случается, что они вместе отправляются за покупками в день, когда повсюду режут жертвенных баранов. Выйдя на улицу, они сразу видят мясника, который, «грубо взяв барана за добродушную мордочку, повернул его голову в сторону и резко вонзил ему в горло длинный нож»¹. Девочка поражена ужасом, а Кемалю становится не по себе оттого, что она увидела это. Он испытывает вину, беспокойство и страх. Чтобы спасти ситуацию, он начинает богословскую беседу: «А ты знаешь, зачем режут барана?» Она отвечает: «Когда-нибудь, когда мы будем на пути к раю, этот барашек проведет нас по мосту Сырат». Это *прагматическое* объяснение: жертва нужна, чтобы получить полезный результат. Кемалю оно представляется слишком наивным: «Так объясняли причину мусульманского жертвоприношения дети либо неграмотные». Тогда он, «словно учитель детям в школе», начинает рассказывать о жертвоприношении Ибрагима. Девочка задает вопросы, разрушающие стройность рассказа и заставляющие задуматься об истории, которая только кажется привычной и понятной.

Тогда Кемаль дает *символическое* объяснение: «Пророк Ибрагим, конечно, не знал, что на месте сына появится баран. <...> Но он так сильно верил в Аллаха и так сильно его любил, что не сомневался: Аллах не причинит ему зла. Когда мы сильно любим кого-то и отдаем ему самое дорогое, что у нас есть, мы ведь знаем, что от этого человека нам не будет никакого зла. Это и есть жертва». Получается, что Ибрагим и Аллах лишь символически обозначали, разыгрывали жертву: Ибрагим делал вид, что приносит жертву, а Бог – что она

¹ Памук О. Музей Невинности. СПб.: Амфора, 2011. С. 46–52.

Марина Валентиновна МИХАЙЛОВА / Marina MIKHAILOVA

| Жертва, прощение, дар: Антропос между виктимностью и свободой / Sacrifice, Forgiveness, Gift: Anthropos between Victimization and Freedom |

Ему нужна. Чувствуя неубедительность этого объяснения, Кемаль обращается к водителю Четину (они продолжают путь на машине).

Четин, пожилой семейный человек, дает третье, *онтологическое* объяснение жертвы, которое и оказывается наиболее весомым: «Если мы отдаем кому-то, кого больше всех любим, самое дорогое, не ожидая ничего в ответ, тогда мир становится прекрасным». В этом объяснении, данном героем, обладающим статусом отца, виден сдвиг в понимании жертвы авраамическими религиями по сравнению с политеистическими. Во-первых, представлена открытая тройственная структура жертвоприношения: отдающий, отдаваемый и адресат жертвы. В отличие от ситуаций жертвы-пищи и жертвы-потерпевшего, где два участника замкнуты друг на друга, сакральная жертва разомкнута к миру. Во-вторых, утверждается, что жертва построена на любви: любимому жертвуется любимое. В-третьих, подчеркнута чуждость жертвы целерациональному проекту: жертвуя, ничего не ожидают взамен, иначе жертва становится формой адекватного обмена. Наконец, определение имеет эстетическое измерение: когда совершается жертва, мир становится прекрасным. Речь идет не о том, что жертва делает мир лучше, а о том, что человек через жертвоприношение входит в отношения с миром, позволяющие обнаружить его красоту. Мир всегда прекрасен, но мы не всегда способны это увидеть. Жертвоприношение открывает онтологическую красоту и ценность.

Итак, в авраамических религиях жертва – свободное приношение, совершаемое из любви ради красоты мира. Она антропологически необходима как жизнеутверждающее деяние, гармонизирующее персональное бытие с мировым. При этом общественное сознание может сохранять прагматическое и символическое понимание жертвы.

В авраамических религиях возникает запрет на принесение в жертву людей. Человеческая жертва утрачивает сакральный ореол и воспринимается как убийство.

Наконец, понимание жертвы достигает предела и завершения в *христианстве*. Христос, Агнец Божий – последняя жертва, христианство – исполнение и отмена религии. Необходимость жертвы-sacrifice упраздняется фактом боговоплощения: вочеловечение Сына Божия в Иисусе навсегда соединяет Бога с людьми. Но поскольку рана, нанесенная человечеству и миру грехом, реальна и неотменима, Иисус восходит на Крест ради людей и их спасения однажды и навсегда. В этом отличие жертвы Христа от других жертвоприношений, требующих регулярного возобновления (заклание ягненка в Песах или Курбан-байрам повторяется ежегодно).

Крест, «для иудеев соблазн, а для эллинов безумие» (1 Кор. 1, 23), разрушает все представления о жертве. Христос совмещает в Себе трех участников жертвоприношения: Он «приносящий, и приносимый, и принимающий, и раздаваемый» (Литургия Св. Иоанна Златоуста, молитва Херувимской песни). Он свободно приносит Себя в жертву Себе, поскольку Сын Божий – второе лицо Пресвятой Троицы. Является ли это бессмысленным? Нет, поскольку в жертве участвует и человек. Боговоплощение – акт предельного доверия и любви Бога к человеку, но и человек во Христе достигает предельной, до смерти, верности и любви к Богу. По человечеству Иисус участвует в жертвоприношении всерьез и до конца, вполне испытывая страх, сомнение и муку. Крест являет не только желание Бога разделить человеческую жизнь, включая смертность, но и желание человека войти в божественную жизнь даже если она совершается не как сила и слава, а как крайний позор, страдание и смерть.

Крест универсален. Иисус распинался не за «истинно верующих» – Он «Сам Себя предавал за жизнь мира» (Литургия Св. Иоанна Златоуста, Анафора). Поэтому Его жертва освобождает всех людей вне зависимости от их убеждений: «Никто пусть не жалуется на бедность, ибо открылось общее Царство. Никто пусть не плачет о грехах, ибо из гроба воссияло прощение. Никто пусть не боит-

Марина Валентиновна МИХАЙЛОВА / Marina MIKHAILOVA

| Жертва, прощение, дар: Антропос между виктимностью и свободой / Sacrifice, Forgiveness, Gift: Anthropos between Victimization and Freedom |

ся смерти, ибо смерть Спасителя освободила нас» (Пасхальное слово Св. Иоанна Златоуста). Если другие жертвы приносились ради достижения локальных целей сообщества, то событие Креста происходит ради полного примирения всех людей с Богом. Так христианство закрывает религиозный проект. Вопреки распространенному мнению, христианство вовсе не является религией страдания, вины и суда. Оно радостно верит в божественное прощение и мир, подаваемые даром. Как во Адаме все согрешили, так во Христе все спасены: «Как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни» (Рим. 5, 8). Единственной и существенной проблемой в горизонте всеобщего спасения остается свобода: дар предложен, но за каждым остается выбор, принять его или отвергнуть.

II. От жертвы-потерпевшего к жертве-дару

Человек не защищен от стихий и социальных сил и нередко оказывается жертвой-потерпевшим. Если ему удалось остаться в живых, перед ним открываются три возможности.

1. Жертва может попытаться забыть случившееся, сделать вид, что ничего не произошло. Это неконструктивно, в основе такого забвения лежит страх и отказ признавать реальность. Вытесненная травма не исцеляется и продолжает деструктивно определять самосознание и поведение субъекта, остающегося жертвой, хоть он это и не признает.

2. Жертва может помнить о случившемся, добиваться возмещения и вершить возмездие. Считается, что этот путь ведет к восстановлению справедливости и утверждению человеческого достоинства, однако стратегии мзды и мести не достигают своей цели. Возмещение лучше, чем циничное поправление интересов жертвы, но никакие компенсации не могут сделать бывшее небывшим. Жертва получает их именно потому, что остается потерпевшим. Мечь не прекращает, а умножает зло, увеличивает число жертв. Непримиримая

жертва дает адекватный ответ, желая положить конец преступлениям, но вместо этого запускает механизм бесконечного зла. В мщении жертва становится преследователем, а злодей превращается в жертву, чья кровь, взывая к отмщению, рождает нового борца за справедливость. Автоматизм зла, впервые представленный Эсхилом в «Орестее», исследовала Х. Арендт. Мечь как «реакция на исходный ошибочный поступок <...> загоняет в такое будущее, в котором все участники, словно скованные цепью одного единственного деяния, уже только реагируют, не способные к свободному действию»². В жестких рамках однообразного отреагирования жертве уготована роль преследователя. Жертва остается внутри сценария насилия, в порочном круге виктимности.

3. Жертва может простить. Прощение – радикальное действие, прекращающее состояние виктимности. Следуя за раной, оно не является ее последствием, как ответная агрессия или страх. По Х. Арендт, прощение «является новым началом <...>. Прощение <...> неожиданно и потому, хоть оно и тоже реакция, само есть деяние, равноценное исходному поступку». Будучи свободным актом, «оно способно освобождать от последствий прошлого и того, кто прощает, и того, кому прощено. Свобода, возвещаемая учением Иисуса в его *прощайте друг другу*, есть освобождение от мести»³. Прощение трансформирует поражение в победу, ограничение – в свободу, что делает его сильной позицией. В противоположность эскапизму страха прощение позволяет принять травматическое событие, не оправдать его, но примириться с реальностью, увидеть жизнь в ее правде. В противоположность автоматизму зла прощение позволяет преодолеть рану и свободно строить жизнь вне долженствований мести.

Через прощение человек выходит из состояния жертвы-потерпевшего в статус жертвы,

² Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. СПб.: Алетей, 2000. С. 318.

³ Там же. С. 319.

Марина Валентиновна МИХАЙЛОВА / Marina MIKHAILOVA

| Жертва, прощение, дар: Антропос между виктимностью и свободой / Sacrifice, Forgiveness, Gift: Anthropos between Victimization and Freedom |

свободно приносимой за жизнь мира. В этом переходе большую роль играет проживание дара.

Во-первых, важно принять страдания как дар, как собственный путь. «Факт данности и есть Мир»⁴, – говорит Левинас. Переживание дарованности мира распространяется не только на приятные времена, но и на «минуты роковые». История Иова завершается тем, что в ситуации предельного страдания он переживает личную встречу с Богом. В. Франкл рассказывает, как однажды в концлагере туманным утром он долбил мерзлую землю в канаве и в тысячный раз задавал себе вопрос, есть ли смысл в его мучительном медленном умирании. Вдруг он услышал внутри себя ответ: «Да!». В этот момент в окошке дальнего дома зажегся свет. Франкл утверждает: «Коль скоро судьба возложила на человека страдания, он должен увидеть в этих страданиях, в способности перенести их свою неповторимую задачу. Он должен осознать уникальность своего страдания – ведь во всей Вселенной нет ничего подобного, никто не может лишить его этих страданий, никто не может испытать их за него. Однако в том, как тот, кому дана эта судьба, вынесет свое страдание, заключается уникальная возможность неповторимого подвига»⁵.

Во-вторых, само прощение – свободный дар. Пострадавший предоставляет виновнику страданий полную и незаслуженную свободу. Извинить, вывести из состояния вины, означает даровать освобождение от действительного и неоспоримого долга. Красота прощения состоит в щедрости дара. Оно разрывает причинность вины и наказания и дает «новое начало». Прощающий учреждает иные отношения. Дарующий свободу уже не является пассивно претерпевающим насилие, он открывает возможность другой истории, при этом оставляя за прощаемым полную свободу и тем самым утверждая свое и его человеческое достоинство.

⁴ Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. М.– СПб.: Университетская книга, 2000. С. 22.

⁵ Франкл В. Сказать жизни «ДА!»: Психолог в концлагере. М.: Альпина Нон-фикшн, 2009. С. 150.

Претворение жертвы-victim в жертву-sacrifice возможно только на персональном уровне как результат свободного выбора. Такой процесс невозможно ни предписать юридически, ни вменить в моральную обязанность. Всякие призывы со стороны к прощению индивидуального и социального насилия безнравственны. Сталкиваясь с унижением и разрушением человека, мы обязаны встать на его защиту. Только страдающий обладает правом прощения: «У креста я смогу сказать: “Прости ему, Господи, он не знал, что творит”. Потому что жертва всегда получает божественную власть отпустить грехи»⁶. Прощение не отменяет ни общественной справедливости, ни личной ответственности человека за совершенное им зло.

Переход в свободу через прощение получает предельное обоснование в Евангелии, однако он не связан жестко с христианским мировоззрением. Достаточно вспомнить софоклова Эдипа. Он претворяет скверну в благословение, свободно принимая ответственность за грех, совершенный в неведении, и тем самым превращаясь из жертвы рока в приносящего себя в жертву. Прощение и примирение – неочевидные, но реальные возможности, встроенные в нравственную природу человека. Их антропологические корни много глубже уровня верований и убеждений.

III. Жертва, прощение и благодарность в лирике И. А. Бродского

Убедительным примером возможности перехода из виктимности в свободу является жизнь и поэзия Иосифа Бродского. Отметим сразу, что тема сакральной жертвы в ее языческом варианте (жертва как дар, приносимый богам ради блага сообщества) вызывала у Бродского чувство, близкое к отвращению. Ср. стихотворение «К Евгению» из «Мексиканского дивертисмента», где созерцаемое

⁶ Антоний, митр. Сурожский. О молитве Господней // Антоний, митр. Сурожский. Человек перед Богом. М.: Фонд «Духовное наследие Митрополита Антония Сурожского», 2010. [http:// www.mitras.ru/molitva/otche.htm](http://www.mitras.ru/molitva/otche.htm).

Марина Валентиновна МИХАЙЛОВА / Marina MIKHAILOVA

| Жертва, прощение, дар: Антропос между виктимностью и свободой / Sacrifice, Forgiveness, Gift: Anthropos between Victimization and Freedom |

поэтом величие пирамид говорит ему «о том, что слитая в миску / Богу Солнца людская кровь укрепляет в последнем мышцу, / что вечерняя жертва восьми молодых и сильных / обеспечивает восход надежнее, чем будильник», что приводит к решительному выводу:

Все-таки лучше сифилис, лучше жерла
Единорогов Кортес, чем эта жертва⁷.

Другое дело – христианский сюжет, занимающий важное место в поэзии Бродского (достаточно вспомнить, что он единственный русский поэт, который каждый год писал рождественское стихотворение, объясняя это тем, что хочет принести дар Тому, Кто стал источником множества даров).

В свой сороковой день рождения Бродский пишет стихотворение «Я входил вместо дикого зверя в клетку...», построенное как ряд утверждений от первого лица. События, которые могут быть истолкованы как вторжение враждебных природных и социальных сил (тюремное заключение, ссылка, эмиграция, сердечная болезнь и т. д.), он представляет как действия, совершаемые им самим, принимая полную экзистенциальную ответственность за все, происходившее в его жизни. Плод такого самосознания – сострадание и благодарность:

Что сказать мне о жизни? Что оказалась
длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
Из него раздаваться будет лишь
благодарность⁸.

Тема благодарности мощно завершает «Римские элегии», где отчетливо сформулирован ее личный и жертвенный (примиряюще-дарственный) характер:

⁷ Бродский И. Часть речи: Избранные стихотворения. М.: Издательская Группа Атиккус, 2010. С. 238–239.

⁸ Там же. С. 337.

Наклонись, я шепну Тебе на ухо что-то: я благодарен за все; за куриный хрящик и за стрекот ножниц, уже кроющих мне пустоту, раз она – Твоя⁹.

Прощение представлено как божественное действие в стихах «На столетие Анны Ахматовой»: «Бог сохраняет все, особенно – слова / прощенья и любви, как собственный свой голос» именно потому, что «в них бьется рваный пульс, в них слышен костный хруст / и заступ в них стучит»¹⁰. Лишь прощение, возникающее из предельных страданий, достойно вечности.

Наконец, в контексте жертвы-дара невозможно не упомянуть исполненное предельного кенозиса стихотворение «Только пепел знает, что значит сгореть дотла...», где свободно принимаемое ничтожество предстает как совершенная свобода,

потому что падаль – свобода от клеток,
свобода от целого: апофеоз частиц¹¹.

Бродский принимает жизнь, восходя через прощение к благодарности, не потому, что стремится исполнить этическое или религиозное предписание. Он делает это в силу поэтического дара и открытости. Жизнь сердца через внимание к миру ведет его к благодарности за все без остатка. Так человек, которого судьба настойчиво помещала в ситуации, провоцирующие на обиду, праведный гнев, борьбу за справедливость и жажду возмездия, утверждает свою суверенность в бытии, не растрачивая силы на агрессию и сведение счетов. Вспоминаются слова Джованнини Гуарески: «Свобода там, где свободный человек», и утверждение Виктора Франкла: «Человек – тот, кто всегда выбирает, кем ему быть».

⁹ Там же. С. 345–346.

¹⁰ Там же. С. 448.

¹¹ Там же. С. 436.

